

Цѣна 20 пф.
Preis 20 Pf.

Поднятая цѣна в Германіи
1 зол. марка в мѣсяц.

Цѣна об'явленій: После текста
20 пф. зол. за миллим., в текоть 80 пф.
за миллиметр.

Рукописи без обозначенія условій счи-
таются бесплатными. — Редакция не
обязана возвращать мелких рукописей.

Редакция газеты «Время» в Берлинѣ —
Berlin W 8, Koenigsstr. 4-5
Телефон: Merkur 4340 и 4341.

Редактор принимает сноски от 12—1 ч.

Пріем подписки и об'явленій в конторѣ
напечатанія Berlin W 8, Koenigsstr. 4-5
Телефон: Merkur 4340 и 4341.

ВРЕМЯ

„WREMJA“

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

Из ялтинских впечатлений.

В Ялтѣ девяностых годов русскіе писатели «молодого» тогда поколѣнія играли большую роль в жизни города. Конечно, не той Ялты, которая жила курортными интересами провинціального городка, в который она превращалась по окончаніи лѣтняго и осенняго сезонов.

Но и этот провинціальный городок с его 15 тысячами жителей рѣзко отличался от иных уѣздных городов Юга. Конечно, и с ними он имѣл очень много общаго. Не было постоянного театра, не было даже библіотеки или читальни. Не было ни одной дѣятельной общественной организациі культурно-просвѣтительнаго характера. Рѣдкіе концерты болѣе или менѣе «знаменитых» музыкантов, случайныя гастроли весьма провинціальных трупп, едва влачившее жизнь «общественное собраніе» и почти полная невозможность приложенія интеллектуальных сил — все это вмѣстѣ заставило А. П. Чехова отзываться о Ялтѣ как о «теплой Сибири». Были ему чужды и природная красота нашего Южнаго Берега. Прелестные кипарисы, придающіе особый, строгій и вмѣстѣ с тѣм романтическій

характер нашему родному пейзажу, ему казались «жестянными» и напоминали ему театральныя реквизиты. Не долюбилъ он также населенія Южнаго Берега. Он относился антипатично и к сельскому населенію, к крымским туземцам, к татарским и греческим поселенцам. Чужд был ему національный калейдоскоп Южнаго Крыма, насчитывающій не менѣе девяти разнообразных камней. Чехов был, повидимому, слишком «русскій» для того, чтобы почувствовать и понять то безразличіе к національным особенностям, и хотѣлось бы даже сказать, то родство, которое тогда еще объединяло крымских обывателей, чувствовавших себя между прочим и «крымчаками». Отсутствіе «національнаго русскаго лица», как ему казалось, коробило его. Он даже не был уже таганрожцем, а москвичем в Ялтѣ.

Вмѣстѣ с тѣм эта «теплая Сибирь» — и этим она отличалась даже зимой от Мелитополя, Александровска или Волчанска — всегда представляла собою колонію, и довольно многочисленную, высококультурных и интеллигентных людей.

В этой Ялтѣ девяностых годов прошлаго вѣка, а также первых лѣт новаго жили вмѣстѣ с тѣм постоянно русскіе интеллигентные люди — отчасти на отдыхѣ, отчасти по необходимости. Совершенно ясно, что А. П. Чехов, ставшій болѣе или менѣе постоянным жителем Южнаго Берега, не столько искалъ сближенія с этими людьми, сколько был найден ими. Если мнѣ не изменяет память, то первым человеком, с которым А. П. Чехов сблизился, был доктор Штангеев, в свое время лѣчившій Надсона в Ялтѣ же. Дружба связывала его также с санитарным врачом города П. П. Розановым, одним из первых учеников извѣстнаго русскаго гигиениста Ф. Ф. Эрисмана. Вокруг Розанова образовался кружок земских дѣятелей и вообще образованных людей, и в этом кружкѣ, из котораго я назову В. В. Винберга, В. В. Келлера, члена Земской Управы Дмитревскаго, Чехов по преимуществу вращался в Ялтѣ, если его рѣдкіе выходы из квартиры можно было называть общеніем с людьми.

Насколько я припоминаю, А. П. Чехов стал менѣе нелюдимым и скрытым от нас — ялтинцев — лишь послѣ 1897 года, приблизительно в то время, когда в нашем городѣ поселился С. Я. Елпатьевскій. Лѣтом этого года и в

слѣдующую осень в Ялтѣ был большой «сѣзд» писателей. Приѣзжал туда Г. Мачтет, Гарин-Михайловскій, Мамин-Сибиряк, Скиталец. Чехов стал чаще показываться на набережной, изрѣдка заглядывал в Городской сад. В обществѣ то одного, то другого из знакомых, тоже и в сопровожденіи случайных докучливых поклонников, большой писатель просиживал часок-другой на набережной, дѣлая свои наблюденія над проходившими обывателями или приѣзжими посѣтителеми курорта. Здѣсь он находил матеріал для цѣлаго ряда своих разсказов, здѣсь он нашел прототип «Дамы с собачкой». Учитель географіи, произносившій всѣм извѣстныя истины в разсказѣ «Учитель словесности» — ялтинскій преподаватель, главный герой «Сирены», любящій и умѣющій хорошо покушать «Секретарь суда» — никто иной, как ялтинскій земскій дѣтель Т. Публика, проходившая мимо скамейки книжнаго магазина Синани, ставшаго «литературным центром» Ялты, чтобы увидѣть Чехова, не подозрѣвала того, что ее обыденныя физіономіи и будничныя бытъ окажутся увѣковѣченными Чеховым.

В Ялтѣ в это время выходила небольшая газета, основанная владѣльцем типографіи Петровым, большим

пріятелем Чехова. Петров умер в 1896 году, т. е. еще до того, как Чехов стал болѣе или менѣе постоянным жителем в Ялтѣ. Петров был очень умный человек. Он вел свои дѣла отлично, редактировал свой листок «Ялта» и принимал весьма живое участіе в общественной жизни. Все это вмѣстѣ не представляло бы собою ничего особеннаго. Удивительна была его дѣятельность лишь благодаря тому, что Петров был глухо-нѣмой. Живую рѣчь он отлично понимал по движенію губ собесѣдника. Отчетливо же он произносил только одно слово «болван». Нас всегда интересовал вопрос, что собственно привлекало Чехова в Петрова. Отвѣта на этот вопрос мы не нашли. Но и послѣ смерти Петрова — туберкулезнаго, Чехов интересовался созданной глухо-нѣмым редактором газетой. Тогда во главѣ ея стоял землякъ Чехова — уроженец Таганрога А. Я. Безчинскій. По предложенію Чехова, А. Я. Безчинскій исходатайствовал расширеніе программы газеты и переименованіе ея в «Крымскій курьер». На первом редакціонном собраніи расширенной газеты — (издательницей была сестра Петрова, Н. Р. Лопандина), было рѣшено расширить штат редакціи, в состав которой входили, кромѣ А. Я. Безчинскаго, М. Ф. Ставраки, и пишущій настоящія стро-

ки. На этом собраніи присутствовали кромѣ нас С. Я. Елпатьевскій, А. П. Чехов, П. П. Розанов, В. В. Келлер и случайно находившійся в Ялтѣ Л. Е. Оболенскій. До этого собранія я хотя и был знаком с А. П. Чеховым, но по молодости и застенчивости не рѣшался заговаривать с ним, для самого же Чехова, и без того несловоохотливаго, вѣроятно представлял мало интереса. Тѣм болѣе меня поразил темперамент, с которым А. П. Чехов излагал желательную по его мнѣнію структуру новой газеты. О программных вопросах он не высказывался. Живость, с которой излагался его взгляд, уже тогда мнѣ казалась странной, и мы вмѣстѣ с Безчинским осторожно, опасаясь волновать больного писателя, скромно замѣтили, что размах его предложеній не соответствует ни практическим возможностям, ни заданіям небольшой провинціальной, хотя и ежедневной, цензурируемой мѣстным исправником газеты. А. П. Чехов нахмурился и сейчас же высказал пожеланіе быть завѣдующим провинціальным отдѣлом «Крымскаго Курьера», напоминая, что он намѣрен дѣлать замѣтки о жизни отдѣльных городов Россіи. Замѣтки эти он будет писать на основаніи получаемых редакціей провинціальных газет. (Окончаніе слѣдует).

В. Назимов.